

«ЦВЕТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ»: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Э. Э. Шульц

АНО «Центр Политических и Социальных Технологий»

Статья затрагивает вопросы, связанные с изучением таких явлений, как «цветные революции» (к которым относятся и события «арабской весны»). Автор поднимает проблемы изучения данного явления и спорные вопросы, которые, с его точки зрения, возникают в связи с методологическими проблемами и подходами. Простота технологий «цветных революций», их успешность, а также ориентированность на технологическую составляющую всех процессов мгновенно привлекли внимание множества исследователей, экспертов, политиков и общественных деятелей, широких кругов общественности, что породило огромное количество материалов с первыми попытками теоретических обобщений. Непосредственное яркое впечатление от произошедших событий, безусловно, наложило отпечаток на все исследование и обобщения, и по прошествии нескольких лет, когда события начинают видаться на расстоянии, наступает время подводить определенные итоги и делать новые теоретические обобщения, которые сталкиваются и будут сталкиваться с целым комплексом заложенных исследовательских проблем. Основной комплекс проблем, по мнению автора, лежит: 1) в изучении «цветных революций» в отрыве от анализа сходных проявлений в других исторических примерах; 2) в отсутствии реальных попыток найти теоретическую базу «цветных революций»; 3) в стремлении увидеть и приписать данному феномену исключительную инновационность; 4) в отсутствии понимания специфики феномена и его характерных черт. Автор приходит к выводу, что время отдельного и самостоятельного изучения «цветных революций» прошло, что исследовательский уровень должен повышаться от комплексного анализа самого явления до сравнительного анализа с другими схожими явлениями в широком историческом контексте для выявления общих закономерностей радикальных массовых форм социального протеста и технологий их использования в политической борьбе.

Ключевые слова: «цветные революции», «арабская весна», социальный протест, технологии «цветных революций», технологии социального протеста, теория общественных движений, закономерности «цветных революций».

«Цветные революции» (к которым относятся и события так называемой арабской весны) стремительно ворвались в нашу жизнь и, как любое новое явление, заставили о себе говорить, писать, снимать фильмы и, естественно, предпринимать первые попытки научного изучения. Под «цветными революциями» принято понимать массовые протесты и смену власти в Сербии (2000), Грузии (2003), на Украине (2004 и 2014), в Киргизии (2005). В этот ряд ставятся и неудавшиеся попытки со схожим сценарием: Белоруссия (2006), Армения (2008), Россия (конец 2011 — начало 2012). Наименование «арабская весна» получили события в странах Северной Африки и Ближнего Востока в декабре 2010 — феврале 2011 г. Массовые протестные выступления произошли в Тунисе, Египте, Ливии, Сирии,

Йемене, Бахрейне, Алжире, Иордании, Марокко и Омане (незначительные протестные акции произошли в Кувейте, Ливане, Мавритании, Саудовской Аравии, Судане, Джибути и Западной Сахаре). В результате смена режимов произошла в трех государствах: Тунисе, Египте и Ливии, — в Ливии и Сирии протестные движения перешли в гражданскую войну.

По прошествии нескольких лет, когда события видятся на расстоянии, наступает время подводить определенные итоги и делать теоретические обобщения. Более того, уровень генерализации должен повышаться от комплексного анализа самого явления до сравнительного анализа с другими схожими явлениями для выявления общих закономерностей радикальных массовых форм социального протеста и технологий их использования в политической борьбе, которые были применены в указанных событиях.

Технологии «цветных революций» и «арабской весны» проявили не только успешность, но и небольшую вариативность в использовании на различных территориях (что обеспечивает наибольшую вероятность практического мультиплицирования), а также целенаправленное акцентирование на технологической составляющей. Это подтолкнуло к заключениям, что это принципиально новые технологии, характерные для XXI в., за которыми видится новое будущее политических систем и геополитики. Подобный подход, безусловно, создает необходимое продвижение технологий воздействия и предотвращения и их носителей, но редуцирует возможность анализа, и, как показывают исследования, все эти новые технологии были обкатаны в 1917 г. в России, в 1929–1932 гг. в Германии и использовались уже как готовый комплекс технологий в кубинской революции (Шульц, 2014b).

Изучение технологий радикальных массовых форм социального протеста как политического инструмента в отрыве от предыстории их формирования и использования приводит к мозаичности и фрагментарности общей картины, а также к ряду весьма спорных положений. Так, например, рассмотрение технологий «цветных революций» как инновационного явления приводит к формированию положений об уникальности и новизне интернет-технологий и возможностей социальных сетей. Однако социальные сети и интернет-технологии — это каналы коммуникаций, которые вносят некоторые коррективы на уровне определенных тактических действий, но принципиально не меняют стратегию и варианты тактики. Понятно, что постановка интернет-технологий во главу угла технологий «цветных революций» несет в себе не только заказ на уровне повестки технологов, но и определенный социальный заказ (в связи с готовностью большого числа населения различных обществ к такому восприятию современной техники и ее возможностей). Однако это искажает анализ явления и его прогнозирование.

Кроме проблемы дискретности и инновационности, в рассмотрении технологий использования социального протеста в политическом контексте существует проблема ретроспективной аппликации, когда поиски исторических параллелей современным событиям приводят к тому, что в разряд «цветных революций» записываются события, имеющие некоторое внешнее сходство, но принципиально отличающиеся по своей сути (например, «бархатные револю-

ции», португальская «революция гвоздик» 1974 г. и др. (Белоус, <http://ruspravda.info/Kak-delayut-tsvetnie-revoljutsii-13414.html>).

Кроме того, в ходе такой ретроспективы и поиска единых оснований и закономерностей для всех исторических проявлений радикальных форм социального протеста (а также в связи с неразработанностью этой проблемы) причины рассматриваемых событий на постсоветском пространстве и в арабских странах пытаются искать в некоторых исключительно объективных факторах, которые обычно сопровождают революции и социальные потрясения схожего масштаба. Так, например, причиной событий 2014 г. на Украине называется принцип Дэвиса (кривая Дэвиса), который связывается с некоторым ухудшением благосостояния населения после периода относительного благополучия (Коротаев, 2014). Здесь хотелось бы отметить, что при острой необходимости доказательной базы самого этого принципа в исторических примерах, в случае с Украиной наличествовали разнообразные и многочисленные иные кандидаты на причины событий и социального протеста, которые, как минимум, отодвигают принцип Дэвиса на вторые и третьи роли.

К подобным методологическим и методическим погрешностям относится еще ряд устоявшихся стереотипов, которые серьезно не проверялись на конкретном материале, а были заимствованы в качестве выводов. Например, положения о так называемом молодежном бугре и о молодых поколениях в качестве основной движущей силы всех радикальных форм социального протеста, вошедшие в массовое научное употребление в основном после работ Джека Голдстоуна, стали непререкаемыми и почти не подвергаются пересмотру. Однако конкретные исторические примеры и сравнительный анализ позволяют, как минимум, усомниться в этих положениях. Этот феномен присутствовал не везде: избыток, или перевес, молодого населения в структуре общества был характерен только для арабских стран, но не для стран бывшего СССР, где прошли «цветные революции». Кроме того, еще один факт вызывает настороженное отношение к роли «молодежного бугра» и в арабских странах. Так, Самюэль Хантингтон в 1994 г. спрогнозировал, что в 2000–2010-е годы возникнет демографический пик в целом ряде арабских стран, что приведет к социальной напряженности. На 2000-е, по мнению Хантингтона падет время таких стран, как Египет, Саудовская Аравия, Кувейт, Судан, на 2010-е — Сирии, Йемена, Омана, Ливии (Хантингтон, 2003, с. 178). «В главных арабских странах (Алжир, Египет, Марокко, Сирия, Тунис), — писал Хантингтон, — число людей двадцати с небольшим лет, ищущих работу, будет расти примерно до 2010 г. По сравнению с 1990-м, количество соискателей на рынке труда увеличится на тридцать процентов в Тунисе, примерно на 50 % в Алжире, Египте и Марокко и более чем на 100 % в Сирии. Резкий рост грамотности в арабских странах приводит к разрыву между грамотным молодым поколением и преимущественно неграмотным старшим, поэтому “несовпадение знаний и власти”, скорее всего, “внесет напряженность в политические системы”» (Хантингтон, 2003, с. 179). Именно в этот период усилилось финансирование из-за рубежа общественных организаций, выступивших организаторами протестов. Складывается впечатление, что либо мы имеем дело здесь с самоисполняемым пророчеством (теорема

Томаса), либо выводы о «молодежном бугре» (вкуче с теоретической базой о его роли в возникновении радикальных массовых форм социального протеста) были использованы для организации протестов. Обратная связь — этот демографический феномен стал причиной протестов — в таком контексте вызывает обоснованный скепсис.

Вышеизложенное лишний раз подтверждает необходимость теоретических обобщений и определения закономерностей цветных революций, а еще шире и глубже — радикальных массовых форм социального протеста и технологий их использования в политической борьбе. Репрезентативность таких обобщений и степень объективности напрямую зависят от широты охвата исторических примеров для сравнительного анализа.

Формат статьи дает возможность обозначить проблему и дать некоторые вводные замечания, так что остановимся на ряде наиболее важных, на наш взгляд.

Феномен «цветных революций», к которым типологически относятся и события «арабской весны», состоит в использовании существующего социального недовольства для перевода его в радикальные массовые формы и осуществления на волне протестов государственного переворота. Важная характеристика всех «цветных революций» — это отсутствие кардинальных изменений в обществе, что принципиально отличает это явление от революций. Однако определение этих событий как революций встречается не только в журналистской и политической среде, но и в научных работах (Шульц, 2014с).

Высокая технологичность цветных революций сменила уверенность в необходимости массовости протеста для успешности в борьбе с властью на утверждения, что возможно вывести на улицы людей для демонстрации силы и свержения режима при нулевом уровне социального протеста. В такой трактовке уровень протеста вообще не имеет значения, важны только технологии. Однако это не сработало в России, Белоруссии, Армении и ряде арабских государств.

Анализ событий «цветных революций» создал еще одну коллизию — необходимость назначить главного технолога, изобретателя технологий. Роль отца технологий «цветных революций» стали примерять на американского политолога Джина Шарпа. Так, «Нью Йорк Таймс» в начале 2011 г. написала, что Шарпа можно считать идейным отцом «арабской весны» (Stolberg, http://www.nytimes.com/2011/02/17/world/middleeast/17sharp.html?_r=1&pagewanted=all), эта мысль быстро разлетелась по мировым СМИ, в том числе и российским (Сурков, http://www.ng.ru/world/2011-02-18/1_revolutions.html), перекочевала в экспертную и научную среду и прочно укрепилась.

Действительно, часть описанных Шарпом принципов совпадает с примененными технологиями, что не только породило соблазн найти в них «первоисточник», но и обеспечило обосновательной базой. Однако принципы и подходы Шарпа вполне вписываются в исторический контекст, в котором они были написаны, — в 60–70-е годы XX в., но имеют отношение к технологиям «цветных революций» не более, чем работы предшествовавших авторов и практиков. Принципы Шарпа — это своеобразная разработка теории общественных движений, зародившейся в середине 60-х годов XX в. и пользующейся популярностью по сей день. Шарп рассматривает виды коллективного действия в рамках теории

общественных движений (новой теории общественных движений). Как раз теоретиков социальных движений, таких как М. Зальд, Р. Эш, Д. Маккарти и др. (Zald M. N., Ash, 1966; Zald M. N., McCarthy, 1987), с большими основаниями можно назвать авторами технологий «цветных революций», так как именно финансируемые из-за рубежа общественные организации стали идеологами и организаторами протестных акций.

Истоки выдвигаемых Шарпом принципов ненасильственных действий необходимо искать у Генри Торо, Мартина Лютера Кинга и особенно — у Махатмы Ганди, под впечатлением действий и результатов действий которого находился Шарп при разработке своих «Методов ненасильственных действий» (см.: Sharp, 1979), а с точки зрения принципов использования социального протеста для борьбы с действующей властью, в первую очередь — у Маркса, Бланки, Бакунина, Кропоткина, Ленина, Грамши, Кастро, Че Гевары и других теоретиков и практиков социального протеста.

Исследование показывает, что основной комплекс технологий управления радикальным массовым социальным протестом в политической борьбе сложился уже в начале XX в. и эксплуатировался в дальнейшем. Технологии организации и использования социального протеста в политической борьбе имели не только богатую практическую, но и теоретическую основу. Организация массовых акций протеста, методы и способы ведения митингов и собраний, способы и средства пропаганды программ и идей были уже частью этих технологий. Анализ показывает, что в отношении знаний и использования технологий бунта, по большому счету, политические партии и деятели первой трети XX в. отличались от потомков, вплоть до сегодняшнего дня, лишь уровнем развития техники и, соответственно, ее использования: основные принципы остались практически неизменными. Эти партии и их лидеры задействовали в политической борьбе все имевшиеся средства коммуникации: прессу, телетайп, радио, листовки (классические, «подметные письма» и «боевые листки»), «сарафанное радио», запуск слухов, общественные организации (рабочие и студенческие кружки, комитеты, крестьянские организации и т. д.), публичные выступления и массовые праздники. Их инструментарий включал нанятые массовки, провокаторов, систему срыва мероприятий и акций оппонентов, психологическое и силовое давление на противников и многое другое, вошедшее почти без изменений в современный арсенал (см.: Шульц, 2014b).

При организации выплеска социального протеста в радикальные формы (что проявилось в технологиях «цветных революций»), в отличие от использования существующего радикального и массового протеста, большую роль играет технологическая составляющая, что ведет к отличиям в деталях и последствиях этих процессов. В первом случае в отличие от второго: 1) чрезвычайно мала доля протестующих; 2) большую роль играют внешний фактор и медийная составляющая; 3) велика роль «точки приложения силы» — давления на власть в столице (чаще в ее центре) и создания представления о массовом недовольстве и антиправительственном настрое большинства общества.

В «цветных революциях» в сравнении с множеством классических исторических примеров процент активных выразителей протеста разительно меньше.

Если в большинстве революций, а также проявлений массового социального протеста речь идет о значительной части общества, активно вовлеченной в радикальные формы социального противостояния, то в «цветных революциях» доля таких участников ничтожно мала — менее 1% населения (Шульц, 2014а; Шульц, 2013). Таким образом, «значительное количество протестующих» (или достаточное) определяется в данном случае как такое, которое будет выглядеть значительным для власти и позволит создать через СМИ и слухи представление о массовости.

«Цветные революции» принесли с собой еще один феномен — отсутствие харизматических лидеров для протестных движений. Все крупные выступления против власти до этого такими лидерами обладали, эти лидеры стремились взять власть или передать ее после победы в другие руки, они являлись публичными вдохновителями протеста, знаменами, носителями идеологии и т. д. В «цветных революциях» основную роль выполняли технические организаторы (менеджеры). И если на постсоветском пространстве в некоторых «цветных революциях» и были персоны, которые публично пытались возглавить протест, но их харизматичность и уровень персональной поддержки вызывают обоснованный скепсис, то в событиях «арабской весны» все выступления вообще прошли без таких лидеров.

Здесь, на наш взгляд, сработал принцип, отмеченный еще М. Вебером, согласно которому харизма не обязательно должна быть качеством самого индивида, она может «передаваться» ему, что обеспечивается «наследством» (например, если речь идет о монархии) или занимаемым местом. В контексте социального протеста можно вести речь о симбиозе двух этих возможностей: коллектив организаторов протестных акций мог рассматриваться в качестве такого лидера, и на него, как и на персоналии, переносились стереотипные положительные образы, доставшиеся исторически по наследству массовому сознанию (сакрализованные образы деятелей прошедших народных выступлений и революций: крестьянских и религиозных войн, Американской и Великой французской революций, Ленин, Кастро, Че Гевара и т. д.). В медийный век эти образы достаточно быстро и массово формируются. Однако столь же быстро и «покидают престол».

Одной из отличительных черт ряда «цветных революций» стала связь использования радикальных массовых форм социального протеста с проходящими (или прошедшими) выборами в стране: например, в Грузии в 2003 г., на Украине в 2004, в Белоруссии в 2006, в России в 2012 г. Переплетение выплеска социального протеста с избирательными кампаниями и выборами в стране до этого было характерно для России 1917 г. и Германии 1928–1933 гг. Кроме того, прием подъема социального протеста в свою поддержку при помощи заявлений о подтасовках и недействительности выборов уходит корнями (насколько нам удалось проследить) в события мексиканской революции (1910–1917): в 1910 г. проигравший выборы Франсиско Мадеро объявил результаты выборов недействительными и призвал к борьбе с режимом Порфирио Диаса — с этого началась мексиканская революция (а Мадеро через год выиграл новые выборы).

Использование времени выборов для активизации протестных действий со стороны оппозиции в «цветных революциях», на наш взгляд, связано с проблемой

легитимности и легитимизации как самих протестных действий, так и претензий на власть. Дефицит легитимности вообще стал одной из главных проблем новой власти, пришедшей в результате «цветных революций». Этим, наравне с разочарованностью в переворотах, был обусловлен уход с политической арены победителей «цветных революций» (в результате новых переворотов или выборов) и возврат общества и государства в состояние, близкое к прежнему. Наиболее яркие примеры — Украина и Киргизия 2010 г., Египет 2013 г., Грузия 2013 г. и др.

Внешний фактор в ходе развития бунта может принимать различные виды воздействия и внешнего давления на правительство, борющееся с бунтом или пришедшее в результате бунта к власти (как в отношении института, так и в отношении составляющих его персоналий). Кроме прямого военного вмешательства — интервенции, сторонам конфликта оказывается политическая, идеологическая и материальная поддержка повстанцев или правительства или наоборот — политическое, идеологическое, экономическое давление на правительство или повстанцев (в том числе персональное).

Обвинения других государств в разжигании и использовании революций в свою пользу появились уже в середине XIX в. Так, Россию обвиняли в использовании европейских революций для экспансии и распространения своего влияния, а русских революционеров в Европе считали проводниками этой политики. Использование такого приема, как обвинение политических противников в финансировании из-за рубежа и действиях в пользу зарубежных интересов, было характерно для всех участников политического процесса в России в начале XX в. Например, Ленин обвинял в этом царское правительство и Временное правительство, и ему отвечали тем же. Гитлер вместе со всеми партиями обвинял Коммунистическую партию Германии в подчинении приказам Коминтерна и Москвы и получении внешней помощи. Самого Гитлера генералитет подозревал в получении помощи из Москвы. В такой поддержке обвиняли Кастро США, которые в свою очередь оказывали материально-техническую и финансовую помощь режиму Батисты и оппозиции Кастро.

Однако кроме политических обвинений существовало и реальное вмешательство иностранных держав в борьбу правительства с оппозиционными партиями и социальным протестом. Впервые такие действия в качестве технологии можно отметить в связи с событиями 1905 г. в России, когда японская разведка выходила на различные оппозиционные политические силы с предложением финансирования их деятельности, планируя с помощью беспорядков в России получить преимущество в войне. С 1918 г. Советская Россия (независимо от голода и разрухи в стране) начала поддерживать революционные движения сначала в Германии и Венгрии, затем в Китае и других европейских странах, а в дальнейшем по всему миру. Во второй половине XX в., в период «холодной войны», эта составляющая технологий оказалась одной из ведущих в геополитической борьбе. В «цветных революциях» этот фактор был модернизирован на основе достижений теории социальных движений.

В период «холодной войны», как правило, СССР поддерживал революционные организации и персоналии, а США — противоположную сторону. Из самых известных примеров: Китай, Вьетнам, Афганистан (а также множество стран

Юго-Восточной Азии, Африки и Латинской Америки). Однако следует отметить, что существовала и традиция поддержки США революционных сил. Так, с конца XIX в. (после Тустепекского плана 1876 г.) каждая революция и восстание в Мексике имели возможность использовать в качестве операционной базы территорию Соединенных Штатов, и ни одно восстание не заканчивалось успехом без поддержки правительства США. В 1898 г. США поддержали национально-освободительную революцию на Филиппинах и на Кубе вступлением в войну с Испанией. (После победы США Филиппины стали частью США до 1946 г., а Куба попала в полуколониальную зависимость до революции 1953–59 гг.)

В современных событиях предлог социального протеста и гражданской войны для военного вмешательства был использован для интервенции в поддержку повстанцев в Ливии весной 2011 г. Несмотря на отсутствие прямой интервенции в других примерах «цветных революций», все «цветные революции» прошли при сильном внешнем факторе.

Идеи и лозунги всех «цветных революций» были примитивно просты и концентрировались вокруг уже известных по множеству исторических примеров: лозунгов борьбы с антинародным правительством, богатеями и коррупционерами.

Египетские «революционеры» 2011 г. рассчитывали, по их словам, вернуть в страну десятки миллиардов долларов, выведенных за рубеж коррупционерами. События начала 2014 г. на Украине одним из главных лозунгов несли борьбу с коррупцией и расследование трат действующего президента. Это, с одной стороны, наивная вера масс в сказочные средства: скрываемая грамота о воле или земле для крестьян, существование где-то — и возможность их получить (чаще — еще и поделить) — больших средств, перенос причинности из обыденности с ее экономическими кризисами и возможностями государства в сферу решения всех проблем благосостояния одним действием. С другой стороны, это популистские лозунги, в силу указанных особенностей массового сознания действующие на протяжении всей истории цивилизаций. Наличие силы, разыгрывающей эти лозунги в политических целях, является определяющей в разогревании бунта, так как подобные представления в массовом сознании возникают вновь и вновь с каждым неблагоприятным периодом истории.

Технологичность и следование техническому прогрессу не следует воспринимать как нечто принципиально новое с точки зрения самих технологий. Так, события «арабской весны» натолкнули многих на утверждения об «инновационном бунте» в связи со спецификой использования интернет-ресурсов. Однако каждое новое средство связи и канал коммуникации обязательно сразу же задействуется в пропагандистских целях, так что в этом ничего нового нет. Создание с помощью интернет-коммуникации виртуальной реальности взамен реальной (что содействовало развитию бунта) тоже не инновация: все средства пропаганды создают измененную реальность и преподносят ее реципиенту в своих целях. Использование технических новинок в пропагандистской работе отличало большевиков и нацистов, которые не только быстро поставили на службу пропаганды радио и кинематограф, но и выстраивали позиционирование своих движений как молодежных, прогрессивных, следующих в ногу с тех-

ническим прогрессом. В общем контексте «интернет-протест» стал выглядеть как революционная борьба нового со старым, технологий с отсталостью страны, молодого современного поколения с динозаврами нецифровой эпохи. Именно эти образы привели к мобилизации населения, а информация через Сеть — к организованности и синхронизации. Сказать с уверенностью, что повлияло больше в интернет-технологиях «арабской весны» — символизм мышления или информация, распространяемая через Сеть, — достаточно сложно. Мы бы отдали предпочтение символизму мышления. Наслаиваясь на этот символизм, информация, поступающая через Сеть, могла быть почти любого содержания: она ложилась на подготовленную психологическую почву.

Действительной инновацией в современном бунте становится маркетинговый подход. Во-первых, это создание бренда из бунта и его лидеров. Лицо Че Гевары — наиболее яркий и известный пример, но существует множество других: Мартин Лютер, Ян Жижка, Емельян Пугачев, Степан Разин и др. До состояния раскрученных торговых марок доведены события революций, памятные места, крылатые фразы, устойчивые сочетания (например, «русский бунт») и т.д. Если для исторических событий потребовалось время для перехода в состояние «известной марки», то современный бунт сразу же используется в маркетинговых целях: продажа книг, сувениров, открытие туристических маршрутов, патентование названий. Во-вторых — что более интересно с точки зрения рассматриваемой темы, — принципы борьбы за рынок. Лидеры оппозиции с минимальным рейтингом, никому неизвестные организаторы протестных акций проводят классическую атаку на «хозяина горы» (компания — безусловный лидер отрасли, здесь — действующая власть с достаточно высоким рейтингом) или «фланговые удары» на более сильного соперника на рынке — действующая власть, другие претенденты на эту власть. (Маркетинговый оригинал таких действий см. в работе Д. Траута, Э. Райса «Маркетинговые войны».)

Не только принципы политической пропаганды перешли в современный маркетинг, но происходит и обратный процесс: принципы современного маркетинга стали использовать в технологиях протеста. То, что бунт сегодня разыгрывается по учебнику маркетинга, — вот настоящая и, пожалуй, единственная инновация.

Современный исторический период внес ряд изменений в психологию радикальных массовых форм социального протеста, и это связано со сменой отношения к протестующим и востребованностью медийной известности.

В основу всех «цветных революций» от Украины и Грузии до Туниса и Египта были положены лозунги демократии и борьбы народа за права, базовый принцип конфликта — противостояние народа и власти. В случае с Ливией и Сирией за демократическими лозунгами и противостоянием с властью стоит конфликт на национально-религиозной почве. Следует отметить, что уже в событиях «оранжевой революции» на Украине ясно обозначился конфликт на национальной почве: страна поделилась не просто относительно выбора кандидата в президенты, а по национальному и территориальному принципу «украинцы — русские», «западные — восточные области», однако тогда такое противостояние удалось нивелировать и сделать акцент на идеях борьбы за свободу и демократию. Борьба различных кланов за власть — это характерная черта всех «цветных

революций», но до Ливии и Сирии эта борьба представлялась революционным движением всего народа не только в пропаганде СМИ и заинтересованных дипломатов и политиков, но и отражалась в массовом сознании. В случае с Ливией и Сирией нет даже намека на такое восприятие. При всех лозунгах о демократии и свободе, стремлении отстоять собственное понимание справедливости и требуемого уровня благосостояния и ряде других психологических причин бунта, события на Украине и в ряде арабских стран показывают важность национального фактора. Национализм в форме отстаивания самоидентификации на Украине, кланово-племенных конфликтов в Ливии или национально-религиозного конфликта в Сирии показал себя мощным стимулом социального протеста даже в контексте идеологии и лозунгов «цветных революций». Пример Ливии и Сирии, где режимы обладали большим запасом прочности, а уровень протестных настроений был низким, но, несмотря на это, там удалось разжечь конфликт на национальной или национально-религиозной почве, демонстрирует новые перспективы «цветных революций».

Как показывают исследования, национализм (в самом широком понимании, в том числе включающий проблемы самоидентификации, культурной самобытности, ущемленной гордости и т. д.) являлся одной из самых распространенных идеологий в истории радикальных массовых форм социального протеста (Шульц, 2015). Кроме того, фактор национализма вносит существенные коррективы в легитимность и жизнестойкость «цветных режимов». Показателен здесь пример Украины. Большинство отечественных экспертов предсказывало недолговечность новой власти на Украине, однако прогнозы не оправдались. Проблема, на наш взгляд, заключается в том, что не был серьезно учтен фактор национализма. Этот фактор играет самую существенную роль в устойчивости действующего режима, опорами ему служат: 1) представление о наличии внешнего врага и 2) сложность признания собственной неправоты на индивидуальном и национальном уровне в случае протеста против поддержанной ранее власти. Здесь потребуются время и законная смена власти, как случилось в истории с «оранжевой революцией» и президентством Ющенко, которого избиратель провалил на следующих выборах.

Подводя итог, можно с уверенностью сказать, что время отдельного и самостоятельного изучения «цветных революций», будь то в редакции пост советского пространства или «арабской весны», прошло. Только анализ всего комплекса технологий, особенностей протекания социального протеста и борьбы за власть, сценариев и алгоритмов в широком историческом контексте позволяет определить закономерности этих процессов, вычленив ключевые технологии, степень их воздействия и роль. Лишь понимание этих закономерностей позволит прогнозировать подобные явления и вносить коррективы в политические решения.

Литература

Белоус И. Как делаются цветные революции. URL: <http://ruspravda.info/Kak-delayut-tsvetnie-revolyuitsii-13414.html> (дата обращения: 16.01.2017).

Коротаев А. В. О возможных экономико-психологических факторах Украинской революции 2014 года // Историческая психология и социология истории. 2014. № 1. С. 56–74.

Сурков Н. Американский «отец» арабских революций // Независимая газета. 18 февр. 2011. URL: http://www.ng.ru/world/2011-02-18/1_revolutions.html (дата обращения: 16.01.2017).

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. М.: АСТ, 2003. 603 с.

Шульц Э. Э. «Классовый подход» и «пролетарский характер» революции 1917 г. в России // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России. 2014а. № 3. С. 47–61.

Шульц Э. Э. «Оранжевая революция» и технологии управления бунтом // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2013. № 3. С. 137–143.

Шульц Э. Э. «Утопия», «национализм» и «интернационализм» как основа радикальных массовых форм социального протеста // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 1. С. 35–43.

Шульц Э. Э. Технологии бунта. (Технологии управления радикальными формами социального протеста в политическом контексте). М.: Подольская фабрика офсетной печати, 2014б. 512 с.

Шульц Э. Э. Технологии бунта: «цветные революции» и «арабская весна» // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014с. № 19 (256). С. 46–54.

Sharp G. Gandhi as a political strategist: with essays on ethics and politics. P. Sargent Publishers, 1979. 357 p.

Stolberg Sh.G. Shy U.S. Intellectual Created Playbook Used in a Revolution // New York Times. February 16, 2011. URL: http://www.nytimes.com/2011/02/17/world/middleeast/17sharp.html?_r=1&pagewanted=all (accessed: 25.02.2014).

Zald M. N., Ash R. Social Movement Organizations: Growth, Decay, and Change // Social Forces. 1966. Vol. 44, No. 3. P. 327–340.

Zald M. N., McCarthy J. D. Social Movements in an Organizational Society: Collected Essays. New Brunswick, N. J.: Transaction Publishers, 1987. 435 p.

Шульц Эдуард Эдуардович — кандидат исторических наук;
nuap1@yandex.ru

Статья поступила в редакцию: 29 марта 2017 г.;
рекомендована в печать: 13 апреля 2017 г.

Для цитирования: Шульц Э. Э. «Цветные революции: некоторые проблемы методологии исследования // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2017. Т. 13, № 2. С. 88–99.

“COLOR REVOLUTIONS”: METHODOLOGICAL PROBLEMS OF THEORETICAL GENERALIZATIONS

Eduard E. Shults

Center of Political and Social Technologies

The article concerns the questions related to studying of such phenomena as color revolutions (to which also events of the Arab spring belong). The author examines the problems of studying of this phenomenon and controversial issues which, from his point of view, happen due to methodological problems and approaches. Simplicity of technologies of color revolutions, their success, and also focus on a technological component of all processes have instantly drawn attention of a great number of researchers, experts, politicians and public figures, a wide circle, that has generated a huge amount of materials with the first attempts of theoretical generalizations. The direct bright impression of the events, certainly, has left a mark on all researches and generalizations, and after several years when events begin to seem at distance, there comes time to sum up certain results and to do new theoretical generalizations which face and will face the whole complex of the put research problems. The main complex of problems, according to the author, lies: 1) in studying of color revolutions in a separation from the analysis of similar manifestations in other

historical examples; 2) in lack of real attempts to find theoretical base of color revolutions; 3) in the aspiration to see and attribute to this phenomenon exclusive innovation; 4) in lack of understanding of specifics of the phenomenon and its characteristic features. The author leads to a conclusion that time of separate and independent studying of color revolutions has passed, that research level has to be increased from the complex analysis of the phenomenon to the comparative analysis with other similar phenomena in a wide historical context for detection of the general regularities of radical mass forms of social protest and technologies of their use in political struggle.

Keywords: “color revolutions”, Arab spring, social protest, technologies of color revolutions, technologies of social protest, theory of social movements, regularity of color revolutions.

References

Belous I. *Kak delaiutsia tsvetnye revoliutsii* [How color revolutions made]. Available at: <http://ruspravda.info/Kak-delayut-tsvetnie-revolutsii-13414.html> (accessed: 16.01.2017). (In Russian)

Huntington S. P. *Stolknovenie tsivilizatsii* [The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order?]. Moscow, AST Publ., 2003. 603 p. (In Russian)

Korotaev A. V. O vozmozhnykh ekonomiko-psikhologicheskikh faktorakh Ukrainskoi revoliutsii 2014 goda [About possible economical and psychological factors of the Ukrainian revolution of 2014]. *Istoricheskaia psikhologiya i sotsiologiya istorii* [Historical psychology and sociology of history], 2014, no. 1, pp. 56–74. (In Russian)

Sharp G. *Gandhi as a political strategist: with essays on ethics and politics*. P. Sargent Publishers, 1979. 357 p.

Shults E. E. «Klassovyi podkhod» i «proletarskii kharakter» revoliutsii 1917 g. v Rossii [“Class approach” and “proletarian character” of revolution of 1917 in Russia]. *Vestnik Rossiiskogo Universiteta Druzhy Narodov* [Bulletin of the Russian Peoples’ Friendship University]. Ser. History of Russia series, 2014, no. 3, pp. 47–61. (In Russian)

Shults E. E. «Oranzhevaia revoliutsiia» i tekhnologii upravleniia buntom [«Orange Revolution» and riot’s management technologies]. *Politicheskaia ekspertiza: POLITEKS* [Political Expertise. POLITEKS], 2013, no. 3, pp. 137–143. (In Russian)

Shults E. E. «Utopiia», «natsionalizm» i «internatsionalizm» kak osnova radikal’nykh massovykh form sotsial’nogo protesta [“Utopia”, “nationalism” and “internationalism” as basis of radical mass forms of social protest]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal’nogo universiteta* [Bulletin of Northern (Arctic) federal university]. Ser. Humanitarian and Social Sciences, 2015, no. 1, pp. 35–43. (In Russian)

Shults E. E. *Tekhnologii bunta. (Tekhnologii upravleniia radikal’nymi formami sotsial’nogo protesta v politicheskom kontekste)* [Technologies of Riot. (Technologies of management of radical forms of a social protest in a political context)]. Moscow, Podolsk factory of an offset printing, 2014b. 512 p. (In Russian)

Shults E. E. Tekhnologii bunta: «tsvetnye revoliutsii» i «arabskaia vesna» [Technologies of Riot: “color revolutions” and “the Arab spring”]. *Natsional’nye interesy: priority i bezopasnost’* [National interests: priorities and safety], 2014, no. 19 (256), pp. 46–54. (In Russian)

Stolberg Sh. G., Shy U. S. Intellectual Created Playbook Used in a Revolution. *New York Times*. February 16, 2011. Available at: http://www.nytimes.com/2011/02/17/world/middleeast/17sharp.html?_r=1&pagewanted=all (accessed: 25.02.2014).

Surkov N. Amerikanskii «otets» arabskikh revoliutsii [American “father” of the Arab revolutions]. *Nezavisimaia gazeta* [The independent newspaper], 2/18/2011. Available at: http://www.ng.ru/world/2011-02-18/1_revolutions.html (accessed: 16.01.2017). (In Russian)

Zald M. N., Ash R. Social Movement Organizations: Growth, Decay, and Change. *Social Forces*, 1966, vol. 44 (3), pp. 327–340.

Zald M. N., McCarthy J. D. *Social Movements in an Organizational Society: Collected Essays*. New Brunswick, N. J., Transaction Publishers, 1987. 435 p.

For citation: Shults E. E. Color Revolutions: Methodological Problems of Theoretical Generalizations. *Political Expertise: POLITEKS*, 2017, vol. 13. no. 2, pp. 88–99.